

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 66-67.

Н. ГУМИЛЕВЪ

ЖЕМЧУГА

БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Издательство „Мысль“
Verlag „Mysl“ G.m.b.H., Berlin, Friedrichstr. 204.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 1. Изъ русскихъ поэтовъ. (Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковский).

№ 2-3. Поэзія большевистскихъ дней. (Блокъ, Эренбургъ, Есенинъ, Каменскій и др.).

№ 4. Л. Толстой. Алеша Горшокъ. — Послѣ бала. — Что я видѣлъ во снѣ. — Отъ ней всѣ качества.

№ 5. Ф. Достоевскій. Чужая жена и мужъ подъ кроватью.

№ 6. И. Крыловъ. Избранныя басни.

№ 7. Гр. Ал. К. Толстой. Исторія Россіи отъ Гостомысла. — Сонъ статскаго совѣтника Попова. — Потокъ - богатырь.

№ 8. Ив. Шмелевъ. Сладкій мужикъ. —

№ 9-10. Гр. Ал. К. Толстой. Смерть Іоанна Грознаго.

№ 11. Ф. Достоевскій. Скверный анекдотъ.

№ 12. Тэффи. Сокровище земли.

№ 13. Н. В. Гоголь. Петербургскіе рассказы.

№ 14-15. А. С. Пушкинъ. Исторія пугачевского бунта.

№ 16. А. М. Дроздовъ. Распятіе.

№ 17. Изъ русской лирики. (А. Бѣлый, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, М. Лохвицкая, Игорь Сѣверянинъ.)

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ.

№ 66-67.

Н. ГУМИЛЕВЪ

ЖЕМЧУГА

Издательство „МЫСЛЬ“
БЕРЛИНЪ
1921

Druck von Hempel & Co. G. m. b H., Berlin, SW. 68, Zimmerstr. 7/8

Наборъ типографіи Г. А. Гольдберга.

*Посвящается моему учителю
Варенію Брюсову.*

ЖЕМЧУГЪ ЧЕРНЫЙ

Qu'ils seront doux les pieds de celui qui viendra
Pour m'annoncer la mort?..

Alfred de Yigny.

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА.

Милый мальчикъ, ты такъ веселъ, такъ свѣтла
твоя улыбка,
Не проси объ этомъ счастьѣ, отравляющемъ
міры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта
скрипка,
Что такое темный ужасъ начинателя игры!

Тотъ, кто взялъ ее однажды въ повелительныя
руки,
У того исчезъ навѣки безмятежный свѣтъ очей;
Духи ада любятъ слушать эти царственные
звуки,
Бродятъ бѣшенныя волки по дорогѣ скрипачей.

Надо вѣчно пѣть и плакать этимъ струнамъ,
звонкимъ струнамъ,
Вѣчно долженъ биться, виться обезумѣвшій
смычокъ,
И подъ солнцемъ, и подъ вьюгой, подъ
бѣлѣющимъ буруномъ,
И когда пылаетъ западъ, и когда горитъ
востокъ.

Ты устанешь и замедлишь, а на мигъ прервется
пѣнье,
И ужъ ты не сможешь крикнуть, шевельнуться
и вздохнуть, —
Тотчасъ бѣшенныя волки въ кровожадномъ
изступленьи

Въ горло вцѣпятся зубами, встануть лапами
на грудь.

Ты поймешь тогда, какъ злобно насмѣялось все,
что пѣло,
Въ очи глянетъ запоздалый, но властительный
испугъ.
И тоскливый смертный холодъ обовѣетъ, какъ
тканью, тѣло,
И невѣста зарыдаетъ и задумается другъ.

Мальчикъ, дальше! Здѣсь не встрѣтишь ни
веселья, ни сокровищъ!
Но я вижу, ты смѣешься, эти взоры — два
луча.
На, владѣй волшебной скрипкой, посмотри въ
глаза чудовищъ
И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипача!

ОДИНОЧЕСТВО.

Я спалъ, и смыла пѣна бѣлая
Меня съ родного корабля,
И въ черныхъ водахъ, помертвѣлая,
Открылась мнѣ моя земля.

Она полна конями быстрыми
И краснымъ золотомъ пещеръ,
Но нолью вспыхиваютъ искрами
Глаза блуждающихъ пантеръ.

Тамъ травы славятся узорами
И рѣки, словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами
Цвѣтами ужаса и зла.

На синевато-бѣломъ мраморѣ
Я высоко воздвигъ маякъ,
Чтобъ пробѣгающіе на морѣ
Далеко видѣли мой стягъ.

Я предлагалъ имъ перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но не одинъ стремленья паруса
Не захотѣлъ остановить.

Всѣ читали древняго оракула
И приговоръ его суда
О томъ, чтобъ вѣчно сердце плакало
У всѣхъ, заброшенныхъ сюда.

И надо мною одиночество
Возносить огненную плетъ
За то, что древнее пророчество
Мнѣ суждено преодолѣть.

КАМЕНЬ.

А. И. Гумилевой.

Взгляни, какъ злобно смотритъ камень,
Въ немъ щели странно глубоки,
Подъ мхомъ мерцаетъ скрытый пламень;
Не думай, то не свѣтляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурыхъ королей,
Отмстить какія-то обиды
Его призвали изъ морей.

Онъ вышелъ черный, вышелъ страшный,
И вотъ лежитъ на берегу,
А по ночамъ ломаетъ башни
И мститъ случайному врагу.

Летитъ пустынными полями,
За кустъ приляжетъ, подождетъ,
Сверкнетъ огнистыми щелями
И снова бросится впередъ.

И рѣдко кто-бы могъ увидѣть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидѣть,
Случайно какъ-нибудь толкнуть.

Онъ скроетъ жгучую обиду,
Глухое бѣшенство угрозъ,
Онъ промолчитъ и будетъ съ виду
Недвиженъ, какъ простой утесъ.

Но гдѣ бы ты не скрылся, спящій,
Тебѣ его не обмануть,
Тебя отыщетъ онъ, летящій,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь въ изумленье,
Завидя блескъ его огней,

Заслыша шумъ его паденья
И жалкій трескъ твоихъ костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утромъ онъ оставитъ домъ.
И будетъ страшенъ трупъ забытый,
Какъ песь, раздавленный быкомъ.

И, миновавъ поля и нивы,
Вернется къ берегу онъ вновь,
Чтобъ смыли вѣрные приливы
Съ него запекшуюся кровь.

— — — — —

ОДЕРЖИМЫЙ.

Луна плыветъ, какъ круглый щитъ
Давно убитаго героя,
А сердце ноетъ и стучить,
Уныло чуя роковое.

Черезъ дымный лугъ, и хмурый лѣсъ,
И угрожающее море
Бредетъ съ копьемъ на перевѣсъ
Мое чудовищное горе.

Напрасно я спѣшу къ коню,
Хватаю съ трепетомъ поводья
И, обезумѣвшій, гоню
Его въ ночныя половодья.

Въ болотѣ темномъ дикій бой
Для всѣхъ останется невѣдомъ,
И верхъ одержитъ надо мной
Привыкшій къ сумрачнымъ побѣдамъ:

Мнѣ сразу въ очи хлынетъ мгла.
На полномъ, бѣшенномъ галопѣ
Я буду выбить изъ сѣдла
И покачусь въ ночныя топи.

Какъ будетъ страшенъ этотъ часъ!
Я буду сжать доспѣхомъ тѣснымъ,
И, какъ всегда, о „coup de grace“
Я возоплю предъ неизвѣстнымъ.

Я угадаю шагъ глухой.
Въ невѣрной мглѣ ночного дыма,
Но, какъ всегда, передо мной
Пройдетъ невѣдомое мимо...

И утромъ встану я одинъ,
А дѣвы, рады играмъ вешнимъ,
Шепнуть: «Вотъ странный палладинъ
Съ душой, измученной нездѣшнимъ».

ПОЕДИНОКЪ.

Въ твоємъ гербѣ невинность лилій,
Въ моемъ — багряные цвѣты.
И близокъ бой, рога завыли,
Сверкнули золотомъ щиты.

Идемъ, и каждый взглядъ упоренъ,
И ухо ловить каждый звукъ,
И серебромъ жемчужныхъ зеренъ
Блистаютъ перевязи рукъ.

Я вызванъ былъ на поединокъ
Подъ звоны ѱубновъ и литавръ
Среди смѣющихся тропинокъ,
Какъ тигръ въ саду — угрюмый мавръ.

Ты — дѣва-воинъ пѣсенъ давнихъ,
Тобой гордятся короли,
Твое копье не знаетъ равныхъ
Въ предѣлахъ моря и земли.

Страшна борьба межъ днемъ и ночью,
Но Богомъ намъ она дана,
Чтобъ люди видѣли воочью
Кому побѣда суждена.

Клинки столкнулись — отскочили,
И войско въ трепетъ глядитъ,
Какъ мы схватились и застыли:
Ты — гибкость стали, я — гранить.

Меня слѣпитъ твой взглядъ упорный,
Твои сомкнутыя уста,
Я задыхаюсь въ мукъ черной,
И побѣждаетъ красота.

Я палъ... и молніи побѣднѣй
Сверкнулъ и въ тѣло впился ножъ...

Тебѣ восторгъ — мой стонъ послѣдній,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь въ славѣ ратной,
Толпа поетъ тебѣ хвалы,
Но ты веротишься обратно,
Одна, въ плащѣ весенней мглы.

И, подъ равниной дымно-бѣлой,
Мерцающа шлемомъ золотымъ,
Найдешь мой трупъ окоченѣлый
И снова сложишься надъ нимъ.

«Люблю! О, помни это слово,
Я сохраню его всегда,
Тебя убила я живого,
Но не забуду никогда».

Лучи, сокройтесь назадъ вы...
Но заалѣла пѣна рѣкъ,
Уходишь ты, съ тобою клятвы
Ненарушимыя во вѣкъ.

Еще не умеръ звукъ рыданій,
Еще шуршитъ твой бѣлый шелкъ,
А ужъ ко мнѣ ползетъ въ туманѣ
Нетерпѣливо-жадный волкъ.

ВЪ ПУСТЫНѢ.

Давно вода въ мѣхахъ изсякла,
Но, какъ собака, не умру:
Я въ память дивнаго Геракла
Сперва отдамъ себя костру.

И пусть, пылая, жалить сучья,
Грозить чернѣющій Эребъ,
Какое странное созвучье
У двухъ враждующихъ судебъ!

Онъ былъ героемъ, я — бродягой,
Онъ — полубогъ, я — полузвѣрь,
Но съ одинаковой отвагой
Стучимъ мы въ замкнутую дверь.

Предъ смертью всѣ, Терситъ и Гекторъ,
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью сладкій нектаръ
Въ поляхъ лазеревой страны.

ПОРТРЕТЪ МУЖЧИНЫ.

(Картина въ Луврѣ, работы неизвѣстнаго)

Его глаза — подземныя озера,
Покинутые, царскіе чертоги,
Отмѣченъ знакомъ высшаго позора,
Онъ, никогда не говоритъ о Богѣ.

Его уста — пурпуровая рана
Отъ лезвія пропитаннаго ядомъ,
Печальныя, сомкнувшіяся рано,
Они зовутъ къ непознаннымъ уладамъ.

И руки, блѣдный мраморъ полнолуній,
Въ нихъ ужасы неснятаго проклятья,
Они ласкали дѣвушекъ-колдуній
И вѣдали кровавыя распятыя.

Ему въ вѣкахъ достался странный жребій
Служить мечтой убійцы и поэта,
Быть можетъ, какъ родился онъ, на небѣ
Кровавая растаяла комета.

Въ его душѣ столѣтія обиды,
Въ его душѣ печали безъ названья,
За всѣ сады Мадонны и Киприды
Не промѣняетъ онъ воспоминанья.

Онъ злобенъ, но не злобой святотатца,
И нѣженъ цвѣтъ его атласной кожи.
Онъ можетъ улыбаться и смѣяться,
Но плакать. плакать больше онъ не
можетъ.

ОСНОВАТЕЛИ.

Ромуль и Ремъ зошли на гору,
Холмъ передъ ними былъ глухъ и нѣмъ;
Ромуль сказалъ: «Здѣсь будетъ городъ».·
«Городъ, какъ солнце», отвѣтилъ Ремъ.

Ромуль сказалъ: «Волей созвѣздій
Мы обрѣли нашъ древній почетъ».
Ремъ отвѣчалъ: «Что было прежде
Надо забыть, глянемъ впередъ».

«Здѣсь будетъ циркъ», промолвилъ Ромуль,
«Здѣсь будетъ домъ нашъ, открытый всѣмъ».
— «Но надо поставить ближе къ дому
Могильные склепы», отвѣтилъ Ремъ.

ВЫБОРЪ.

Созидающій башню сорвется,
Будетъ страшенъ стремительный летъ,
И на днѣ мірового колодца
Онъ безумье свое проклянетъ.

Разрушающій будетъ раздавленъ,
Опрокинутъ обломками плить,
И, Всевидящимъ Богомъ оставленъ,
Онъ о мукѣ своей возопитъ.

А ушедшій въ ночныя пещеры,
Или къ заводамъ тихой рѣки
Повстрѣчаетъ свирѣпой пантеры
Наводяще ужасъ зрачки.

Не избѣгнешь ты доли кровавой,
Что земнымъ предназначила твердь.
Но, молчи! Несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Вѣтеръ гонитъ тучу дыма,
Словно грузнаго коня,
Вслѣдъ за нимъ неумотимо
Встало зарево огня.

Только въ рѣдкіе просвѣты
Темно-бурыхъ тополей
Видно розовые свѣты
Обезумѣвшихъ полей.

Ярко вспыхиваетъ маисъ,
Съ острымъ запахомъ смолы
И, шипя и разгораясь,
Въ пламя падаютъ стволы.

Рѣзкій грохотъ, тяжкій топотъ,
Вой, мычанье, визгъ и ревъ,
И зловѣще-тихий ропотъ
Закипающихъ ручьевъ.

Вонъ несется слонъ —пустынникъ,
Левъ стремительно бѣжитъ,
Обезьяна держитъ финикъ
И пронзительно визжитъ.

Съ вепремъ, стиснутый бокъ-о-бокъ,
Легкій волкъ, душа ловитвъ,
Зубы бѣлы, взоръ не робокъ —
Только время не для битвъ.

А за ними въ дымныхъ пущахъ
Льется новая волна
Опаленныхъ и ревающихъ...
Какъ назвать ихъ имена?

Словно тамъ, подъ сводомъ ада,
Дьяволъ щелкаетъ бичомъ,
Чтобы грѣшниковъ громада
Вышла бѣшеннымъ смерчемъ.

Все страшнѣй въ ночи безсонной,
Все быстрѣе дикій бѣгъ,
И, огнями ослѣпленный,
Черной крозью обагранный,
Первымъ гибнетъ человѣкъ.

ЦАРИЦА.

Твой лобъ въ кудряхъ отлива бронзы,
Какъ сталь глаза твои остры,
Тебѣ задумчивые бонзы
Въ Тибетѣ ставили костры.

Когда Тимуръ въ унылой злобѣ
Народы бросилъ къ ихъ метѣ,
Тебя несли въ пустыняхъ Гоби
На боевомъ его щитѣ.

И ты вступила въ крѣпость Агры,
Свѣтла, какъ древняя Лилить,
Твои веселые онагры
Звенѣли золотомъ копытъ.

Былъ вечеръ тихъ. Земля молчала,
Едва вздыхали цвѣтники,
Да отъ зеленого канала,
Взлетая, рѣяли жуки.

И я слѣдилъ въ тѣни колонны
Черты алмазнаго лица
И ждалъ, колѣнопреклоненный,
Въ одеждѣ розовой жреца.

Узорный лугъ въ дугу былъ согнутъ,
И, вольность древнюю любя,
Я зналъ, что мускулы не дрогнуть
И остріе найдетъ тебя.

Тогда бы вспыхнуло бывшее:
Князей торжественный приходъ,
И пляски въ заросляхъ алоэ
И дни веселые охотъ.

Но ротъ твой, вырѣзанный строго,
Таилъ такую смѣну мукъ,
Что я въ тебѣ увидѣлъ бога
И робко выронилъ свой лукъ.

Толпа рабовъ ко мнѣ метнулась,
Тѣсняясь, волнуясь и крича,
И ты лѣниво улыбнулась
Стальной сѣкирой палача.

ТОВАРИЩЪ.

В. Ю. Эльснеру.

Что-то подходит близко, вѣрно,
Холодъ томящій въ грудь проникъ,
Каждою ночью въ тѣмѣ безмѣрной
Я вижу милый, странный ликъ.

Старый товарищъ, древній ловчій,
Снова встаешь ты съ ночного дна,
Тигра смѣлѣе, барса ловче,
Сильнѣе грузнаго слона.

Помню, все помню; какъ забуду
Рыжія кудри, крѣпость рукъ,
Мечъ твой, вносившій гибель всюду,
Изъ рога туряго твой лукъ?

Помню и волка; съ нами въ мирѣ
Вмѣстѣ бродилъ онъ, вмѣстѣ спалъ,
Вечеромъ я игралъ на лирѣ,
А онъ тихо-льхо подвывалъ,

Что же случилось? Чьею властью
Вытопанъ былъ нашъ дикій садъ?
Раненый коршунъ, темной страстью
Товарищъ дивный былъ объять,

Спутанно помню — кровь повсюду,
Душу гнетущій мертвый страхъ,
Ночь, и героевъ павшихъ груду,
И трупъ товарища въ волнахъ.

Что же теперь, сквозь рядъ столѣтій
Выступилъ ты изъ смертныхъ щайъ,
Въ смуглыхъ ладоняхъ лукъ и сѣти
И на плечахъ багряный плащъ?

Сладостной вѣрю я надеждѣ,
Лгать не умѣютъ сердцу сны,
Скоро пройду съ тобою, какъ прежде,
Въ поляхъ невѣдомой страны.

ВЪ БИБЛИОТЕКЪ.

М. Кузмину.

О, пожелтѣвшіе листы
Въ стѣнахъ вечернихъ библиотекъ,
Когда раздумья такъ чисты,
А пыль пьянѣе, чѣмъ наркотикъ!

Мнѣ нынче труденъ мой урокъ,
Куда отъ странной грезы дѣться,
Я отыскалъ сейчасъ цвѣтокъ
Въ процессѣ древнемъ Жиль де Реца.

Изрѣзанъ сѣтью блѣдныхъ жилъ,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, навѣрно, положилъ
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще отъ алыхъ женскихъ губъ
Его пылали жарко щеки,
Но взоръ очей уже былъ тупъ
И мысли холодно — жестоки.

И вѣрно дьявольская страсть
Въ душѣ вставала, слозно пѣнье,
Что даръ любви, цвѣтокъ, увяетъ
Былъ брошенъ въ книгѣ преступленья.

И послѣ, тамъ въ тѣни аркадъ,
Въ великолѣпьи ночи дивной
Кого замѣтилъ тусклый взглядъ,
Чей крикъ послышался призывный?

Такъ много тайнъ хранить любовь,
Такъ мучить старыя гробницы!

Мнѣ ясно кажется, что кровь
Пятнаетъ многія страницы.

И тернѣ сопутствуетъ вѣнцу,
И бремя жизни злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, какъ время!

Мои мечты... онѣ чисты,
А ты, убійца дальній, кто ты?!
О, пожелтѣвшіе листы,
Шагреневые переплеты!

ВЪ ПУТИ.

Кончено время игры,
Дважды цвѣтамъ не цвѣсти,
Тѣнь отъ гигантской горы
Пала на нашемъ пути.

Область унынья и слезъ —
Скалы съ обѣихъ сторонъ
И оголенный утесъ,
Гдѣ распростерся драконъ.

Острый хребетъ его крутъ,
Вдохъ его — огненный смерчъ, —
Люди его назовутъ
Сумрачнымъ именемъ: Смерть.

Что жъ, обратиться намъ вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нѣтъ, ни за что, ни за что!
Значить настала пора,
Лучше слѣпое Ничто,
Чѣмъ золотое Вчера!

Вынемъ же мечъ-кладенецъ
Даръ благосклонныхъ наядъ,
Чтобъ обрѣсти, наконецъ,
Неотцвѣтающій садъ.

СЕМИРАМИДА.

Свѣтлой памяти И. Ѳ. Анненскаго.

Для первыхъ властителей завиденъ мой жребій,
И боги не такъ горды,
Столпами изъ мрамора въ пылающемъ небѣ
Укрѣпились мои сады.

Тамъ рощи съ цистернами для розовой влаги,
Голубые нѣжные мхи,
Рыбы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырехъ стихій.

Все манитъ и радуеть, все ясно и близко,
Все таитъ восторгъ тишины,
Но каждую полночью такъ страшно и низко
Наклоняется ликъ луны.

И въ сумрачномъ ужасѣ огъ луннаго взгляда,
Отъ цѣпкихъ лунныхъ сѣтей,
Мнѣ хочется броситься изъ этого сада
Съ высоты семисотъ локтей.

ЧИТАТЕЛЬ КНИГЪ.

Читатель книгъ, и я хотѣлъ найти
Мой тихій рай въ покорности сознанья,
Я ихъ любилъ, тѣ странные пути,
Гдѣ нѣтъ надеждъ и нѣтъ воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строкъ,
Въ проливы главъ вступать нетерпѣливо
И наблюдать, какъ пѣнится потокъ,
И слушать гулъ идущаго прилива!

Но вечеромъ... О какъ она страшна,
Ночная тѣнь за шкафомъ, за кіотомъ,
И маятникъ, недвижный какъ луна,
Что свѣтитъ надъ мерцающимъ болотомъ!

АДАМЪ.

Адамъ, униженный Адамъ,
Твой блѣденъ ликъ и взоръ твой бѣшенъ,
Скорбишь ли ты по тѣмъ плодамъ,
Что ты срывалъ, еще безгрѣшенъ?

Скорбишь ли ты о той порѣ,
Когда еще ребенокъ-дѣва,
Въ душистый полдень на горѣ
Передъ тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкій трудъ
И дуновение смерти грозной,
Ты знаешь бѣшенство минутъ,
Припоминая слово — «поздно».

И боль жестокую, и стыдъ,
Неутомимый и безстрастный
Который медленно томить,
Который мучить сладострастно.

Ты былъ въ раю, но ты былъ царь,
И честь была тебѣ порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный вдвое платить мукой.

За то, что не былъ ты какъ трупъ,
Горѣлъ, искалъ и былъ обманутъ,
Въ высокомъ небѣ хоры трубъ
Тебѣ гремѣть не перестанутъ.

Въ суровой долѣ будь упрямя,
Будь хмурымъ, блѣднымъ и согбеннымъ,
Но не скорби по тѣмъ плодамъ,
Неискупленнымъ и презреннымъ.

ВОИНЪ АГАМЕМНОНА.

Смутную душу мою тяготить
Станный и страшный вопросъ:
Можно ли жить, если умеръ Атридъ,
Умеръ на ложѣ изъ розъ?

Все, что намъ снилось всегда и вездѣ,
Наше желанье и страхъ,
Все отражалось, какъ въ чистой водѣ,
Въ этихъ спокойныхъ очахъ.

Въ мышцахъ жила несказанная мощь,
Сказка — въ изгибѣ колѣнъ,
Былъ онъ прекрасенъ, какъ облако,—вождь
Золотоносныхъ Микенъ.

Что я? Обломокъ старинныхъ обидъ,
Дротикъ, упавшій въ траву,
Умеръ водитель народовъ, Атридъ,
Я же, ничтожный, живу.

Манить прозрачность глубокихъ озеръ,
Смотрить съ укоромъ заря,
Тягостенъ, тягостенъ этотъ позоръ,
Жить, потерявши царя!

ВАРВАРЫ.

Когда зарыдала страна подъ немилостью Божьей,
И варвары въ городъ вошли молчаливой толпою;
На площади людной царица поставила ложе,
Суровыхъ враговъ ожидала царица, нагою.

Трубили герольды. По вѣтру рвались знамена,
Какъ листья осенніе, прѣлые, бурые листья,
Роскошныя груды восточныхъ шелковъ и виссона
Съ краевъ украшали литыя изъ золота кости.

Царица была, какъ пантера суровыхъ безлюдій,
Съ глазами — провалами темнаго дикаго счастья,
Подъ сѣткой жемчужной вздымались дрожащія
груди,
На смуглыхъ рукахъ и ногахъ трепетали
запястья.

И зовъ ея мчался, какъ звоны серебряной
лютни:

«Спѣшите, герои, несущіе луки и пращи,
Нигдѣ, никогда не найти вамъ жены безпріютнѣй
Чьи жалкіе стоны вамъ будутъ желаннѣй и
слаше.

Спѣшите, герои, окованы мѣдью и сталью
Пусть въ бѣдное тѣло вопьются свирѣтые
гвозди,
И бѣшенствомъ ваши нальются сердца и печалью
И будутъ краснѣй виноградныхъ, пурпуровыхъ
гроздѣй.

— Давно я ждала васъ, могучіе, грубые люди,
Мечтала, любясь на зарево вашихъ становищъ.
Идите жъ, терзайте для муки расцвѣтшія груди
Герольдъ протрубить, не щадите звѣрныхъ
сокровищъ».

Серебряный рогъ, изукрашенный костью слоновой
Но бронзовомъ блюдѣ рабы протянули герольду,
Но варвары сѣвера хмурили гордыя брови,
Они вспоминали скитанья по снѣгу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
Въ зеленыхъ трущобахъ веселые щебеты птичьи,
И царственно-синіе женскіе взоры... и струны,
Которыми скалды гремѣли о женскомъ величьи.

Книѣла, сверкала народомъ широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный вѣтеръ,
Но хмурый начальникъ сдержалъ опѣненную
лошадь,

Съ надменной усмѣшкой войска повернулъ онъ
на сѣверъ.

Въ мой мозгъ, въ мой гордый мозгъ собрались
думы,
Какъ вору ночью въ тихій мракъ предмѣстій;
Какъ коршуны зловѣщи и угрюмы,
Онѣ, столпившись, требовали мести.

Я былъ одинъ. Мечты мои бѣжали,
Мои глаза раскрылись отъ волненья,
И я читалъ на призрачной скрижали
Мои слова, дѣла и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрѣлъ на игры смѣлыхъ и побѣдныхъ,
За то, что я кровавыми устами
Касался устъ, трепещущихъ и блѣдныхъ,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком стройны,
За то, что пѣсни, вѣчные скитальцы,
Обманывали, были безпокойны,

За все теперь настало время мести,
Мой лживый, нѣжный храмъ слѣпцы разрушать,
И думы, вору въ тишинѣ предмѣстій,
Какъ нищаго во мглѣ, меня задушать.

ТЕАТРЪ.

Всѣ мы, святые и воры,
Изъ алтаря и острога,
Всѣ мы — смѣшные актеры
Въ театрѣ Господа Бога.

Богъ возсѣдаетъ на тронѣ,
Смотрить, смѣясь, на подмостки,
Звѣзды на пышномъ хитонѣ
Позолоченныя блески.

Такъ хорошо и привольно
Въ ложѣ предвѣчнаго свѣта,
Дѣва Марія довольна,
Смотрить, склоняясь, въ либретто:

— Гамлетъ? Онъ долженъ быть блѣднымъ.
Каинъ? Тотъ долженъ быть грубымъ...
Зрители внемлютъ побѣднымъ
Солнечнымъ, ангельскимъ трубамъ.

Богъ, наклонясь, наблюдаетъ,
Къ пьесѣ онъ полонъ участя. —
Жаль, если Каинъ рыдаетъ,
Гамлетъ извѣдаетъ счастье!

Такъ не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану
Вѣриль онъ ходъ представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулася сѣтью,

Всѣхъ, утомленныхъ игрою,
Хлещетъ кровавою плетью.

Множатся пытки и казни.
И возрастаетъ тревога,
Что, коль не кончится праздникъ
Въ театрѣ Господа Бога?!

ПОТОМКИ КАИНА.

Сонетъ.

Онъ не солгалъ намъ, духъ печально-строгій,
Принявшій имя утренней звѣзды,
Когда сказалъ: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плодъ и будете, какъ боги.»

Для юношей открылись всѣ дороги,
Для старцевъ — всѣ запретные труды,
Для дѣвушекъ — янтарные плоды
И бѣлые, какъ снѣгъ, единороги.

Но почему мы клонимся безъ силъ,
Намъ кажется, что кто-то насъ забылъ,
Намъ ясенъ ужасъ древняго соблазна.

Когда случайно чья-нибудь рука
Двѣ жердочки, двѣ травки, два древка
Соединить на мигъ крестообразно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сонетъ.

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу въ стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новыя уста;

А въ старости принять завѣтъ Христа,
— Потупить взоръ, посыпать пепломъ темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелаго желѣзнаго креста!

И лишь когда средь оргіи побѣдной
Я вдругъ опомнюсь, какъ лунатикъ блѣдный,
Испуганный въ тиши своихъ путей,

— Я вспоминаю, что, ненужный атомъ,
Я не имѣлъ отъ женщины дѣтей
И никогда не звалъ мужчину братомъ.

ПОПУГАЙ.

Сонетъ.

Я попугай съ Антильскихъ острововъ,
Но я живу въ квадратной кельѣ мага,
Вокругъ реторты, глобусы, бумага
И кашель старика, и бой часовъ.

Пусть въ часъ заклятій, въ вихрѣ голосовъ
И въ блескѣ глазъ мерцающихъ, какъ шпага,
Ерошатъ крылья ужасъ и отвага
И я сражаюсь съ призраками совѣ... .

Пусть! Но едва подъ этотъ сводъ унылый
Войдетъ гадать о картахъ, иль о милой,
Распутникъ въ раззолоченномъ плащѣ, —

Мнѣ грезится корабль въ тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

СОНЪ АДАМА.

Отъ плясокъ и пѣсенъ усталый Адамъ
Заснулъ, неразумный, у Древа Познанья,
Надъ нимъ ослѣпительныхъ звѣздъ трепетанья,
Лиловыя тѣни скользятъ по лугамъ,
И духъ его сонный летитъ надъ лугами,
Внезапно настигнуть злобѣщими снами.

Онъ видитъ пылающій ангельскій мечъ,
Что жалитъ нещадно его и подругу,
И гонитъ изъ рая въ суровую выюгу,
Гдѣ нечѣмъ прикрыть имъ ни бедеръ, ни
плечъ...
Какъ звѣри, должны они строить жилище,
Пращей и дубиной искать себѣ пищи.

Обитель труда и болѣзней. но здѣсь
Впервые постигъ онъ съ подругой единство,
Подругѣ — блаженство и боль материнства,
И заступъ ему, чтобы вскапывать весь,
Служеньемъ Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вотъ новые люди... очерченъ ихъ ротъ,
Ихъ взоры не блещутъ и смѣхъ ихъ случаенъ,
За вепрями сильный охотится Каинъ.
И Авель собираетъ маслины и медъ;
Но волѣ не служатъ они патріаршей,
Паль младшій и въ ужасъ кроется старшій.

И многое видитъ смущенный Адамъ:
Онъ тонетъ душою въ распутствѣ и нѣгѣ,

Онъ ищетъ спасенья въ надежномъ ковчегѣ
И строится снова суровъ и упрямъ,
Медлительный пахарь, и воинъ, и всадникъ...
Но Богъ охраняетъ его виноградникъ.

На бурный потокъ наложилъ онъ узду,
Безсонною мыслью постигъ равновѣсье,
Какъ ястребъ врѣзается онъ въ поднебесье,
У косной земли отнимаетъ руду,
Покорны и тихи, хранятъ ему книги
Напѣвы поэтовъ и тайны религій.

И въ ночь волхованій на пышные мхи
Къ нему для объятій нисходятъ сильфиды,
Къ услугамъ его отомщать за обиды
И звѣздные духи и духи стихій,
И къ солнечнымъ скаламъ изъ грозной пучины
Влекутъ его челюь голубые дельфины.

Онъ любитъ забавы опасной игры --
Искать въ океанахъ безвѣстныя страны,
Ступать безразсудно на волчьи поляны
И видѣть равнину съ высокой горы,
Гдѣ съ узкихъ тропинокъ срываются козы
И душные, красныя клонятся розы.

Онъ любитъ и скрежетъ стального рѣзца,
Дробящаго глыбистый мраморъ для статуи,
И дѣвственный холодъ зари розовой,
И нѣжный овалъ молодого лица, —
Когда на холстѣ подъ ударами кисти
Ложатся они и свѣтлѣй и лучистѣй.

Устанетъ и къ небу возводитъ свой взоръ,
Слѣпой и кощунственный взоръ человѣка,
Тамъ, Богомъ раскинуть отъ вѣка до вѣка,
Мерцаетъ надъ нимъ многозвѣздный шатеръ,
Святыми ночами, спокойный и строгій,
Онъ клонитъ колѣна и грезитъ о Богѣ.

Онъ новыя мысли, какъ свѣтлыхъ гостей,
Всегда ожидаетъ изъ розовой дали,
А съ ними, какъ новыя звѣзды, печали
Еще неизвѣданныхъ думъ и страстей,
Провалы въ мечтаньяхъ и ужасъ въ искусствѣ,
Чтобъ сердце болѣло отъ тяжкихъ предчувствій.

И кроткая Ева, игрушка боговъ,
Когда-то ребенокъ, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
Въ зловѣщемъ мерцаньи ея жемчуговъ,
Предвѣстница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобныхъ и хмурыхъ несчастій.

Такъ золото манить и радуетъ взглядъ,
Но въ золотѣ темныя силы таятся,
Онѣ управляютъ рукой святотатца
И въ братскіе кубки вливаютъ свой ядъ
Не въ силахъ насытить, смѣются и мучатъ
И стомамъ и крикамъ неистовымъ учатъ.

Онъ борется съ нею. Коварный, какъ змѣй,
Ее онъ опуталъ сѣтями соблазна,
Вотъ Ева блудница, лепечетъ безсвязно,
Вотъ Ева святая съ печалью очей,
То лунная дѣва, то дѣва земная,
Но вѣчно и всюду чужая, чужая.

И онъ, наконецъ, безпредѣльно усталъ,
Усталъ и смѣяться и плакать безъ цѣли,
Какъ лебеди, стаи вѣковъ пролетѣли,
Играли и пѣли, онъ ихъ не слышалъ,
Спокойный и строгій на мраморныхъ скалахъ,
Онъ молится Смерти, богинѣ усталыхъ:

«Узнай, Благодатная, волю мою,
На степи земная, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою,

Довольно бороться съ безумьемъ и страхомъ,
Рожденный ихъ праха, да буду я прахомъ!»

И, медленно рѣя багровымъ хвостомъ,
Помчалась къ землѣ голубая комета,
И страшно Адаму и больно отъ свѣта
И рветъ ему мозгъ нескончаемый громъ,
Вотъ огненный смерчъ передъ нимъ закрутился,
Онъ дрогнулъ и крикнулъ... и вдругъ
пробудился.

Направо сверкаетъ и пѣнится Тигръ,
Налѣво — зеленая вода Ефрата,
Долина серебрянымъ блескомъ объята,
Тѣнистыя отмели манять для игръ,
И Ева кричитъ изъ весенняго сада —
«Ты спалъ и проснулся. я рада, я рада».

ЖЕМЧУГЪ СЪРЫЙ

...Что жъ! Пойду въ пещеру къ вѣрнымъ
молотамъ,

Ихъ вносить надъ горномъ жгуче-пламеннымъ,
Опускать ихъ на пылающій металлъ.

Валерій Брюсовъ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ.

I. У берега.

Сердце — улей, полный сотами,
Золотыми, несравненными!
Я борюсь съ водоворотами
И клокочущими пѣнами.

Я трирему съ грудью острою
Въ бурѣ бѣшенной измучаю,
Но домчусь къ родному острову
Съ грозовою сизой тучею.

Я войду въ дома просторные,
Сердце встрѣчами обрадую
И забуду годы черные,
Проведенные съ Палладою.

Такъ! Но кто, подобный коршуну,
Надъ моей душою носится,
Словно манить къ року горшему,
Съ новой кручи въ бездну броситься?

Въ корабль раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мнѣ обѣщаны,
Исчезаютъ за туманами.

И шепчу я, робко слушая
Вой надъ водною пустынею:
— «Нѣтъ, союза не нарушу я
Съ необорною богинею».

II. Избіеніе жениховъ.

Только надъ городомъ мѣсяць двурогій
Остро прорѣзалъ вечернюю мглу,
Всталъ Одиссей на високомъ порогѣ,
Въ грудь Антиноя онъ бросилъ стрѣлу.

Чапа упала изъ рукъ Антиноя,
Очи окуталъ кровавый туманъ,
Легкая дрожь... и не стало героя,
Лучшаго юноши греческихъ странъ.

Схвачены ужасомъ, встали другіе,
Робко хватаясь за щитъ и за мечъ,
Тщетно! Увѣренны стрѣлы стальныя,
Злобно-насмѣшлива царская рѣчь:

«Что-же, князья знаменитой Итаки,
Что не спѣшите вы встрѣтить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
Запечатлѣть у его алтаря?»

«Вы истребляли подъ грохотъ тимпановъ
Все, что мнѣ было богами дано,
Тучныхъ быковъ, круторогихъ барановъ,
Съ кипрскихъ холмовъ золотое вино».

«Льстивыя рѣчи шептать Пенелопѣ,
«Ночью ласкать похотливыхъ рабынь,
Слаще, чѣмъ биться подъ музыку копій,
Плавать надъ ужасомъ водныхъ пустынь!»

«Что? Вы хотите платить за обиды,
Ваши дворцы предлагаете мнѣ?
Я бы не принялъ и всей Атлантиды,
Всѣхъ городовъ, погребенныхъ на днѣ!»

«Звонко поють окрыленные стрѣлы,
Мѣрно блесить угрожающій мечъ,
Всѣ вы, князья, и трусливый и смѣлый,
Бѣлюю грудой готовитесь лечь.»

«Вотъ Евримахъ, низкорослый и ручной,
Блѣденъ... блѣднѣе онъ мраморныхъ стѣнъ,
Въ ужасѣ бьется, какъ оводъ докучный,
Юною дѣвой захваченный въ плѣнъ».

«Вотъ Антиномъ... разъяренные взгляды...
Самъ онъ громаденъ и грузенъ, какъ слонъ,
Былъ бы онъ первымъ героемъ Эллады,
Если бы съ нами отплылъ въ Иліонъ».

«Падаютъ, падаютъ тигры и лани
И никогда не поднимутся вновь,
Что это? Брошены красныя ткани,
Или, дымясь, растекается кровь?»

«Ну, собирайся со мною въ дорогу,
Юноша свѣтлый, мой сынъ Телемахъ,
Надо служить безпощадному богу,
Богу Тревоги на черныхъ путяхъ».

«Снова полюбимъ влекущую даль мы
И золотой отъ луны горизонтъ,
Снова увидимъ священныя пальмы
И опѣненный клокочущій Понтъ».

«Пусть незапятнано ложе царицы,
Грѣшныя къ ней прикасались мечты,
Чайки бѣлѣй и невиннѣй зарницы
Темной и страшной ея красоты.»

III. Одиссей у Лаэрта.

Еще одинъ старинный долгъ,
Мой рокъ, еще одинъ священный!
Я не убійца, я не волкъ,
Я чести сторожъ неизмѣнный.

Лица морщинистаго чертъ
Въ умѣ не стерли вихри жизни,
Тебя привѣтствую, Лаэртъ,
Въ твоей задумчивой отчизнѣ.

Смотрю: украсили сады
Холмовъ утесистые скаты,
Какіе спѣлые плоды,
Какъ сладокъ запахъ свѣжей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце къ счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью
И бѣдной хижинѣ, и полю.

И сладко мнѣ, и больно мнѣ
Сидѣть съ тобой на козьей шкурѣ,
Я вѣрю — боги въ тишинѣ,
А не въ смятеніи и не въ бурѣ.

Но что мнѣ розовыхъ харитъ
Несчислимая улады?!
Надъ моремъ всталъ алмазный щитъ
Богини воиновъ Паллады.

Старикъ, спѣша отсюда прочь,
Послѣдній разъ тебя цѣлую.
И снова ринусь грудью въ ночь
Увидѣть бездну грозовую.

Но въ часъ, какъ Зевсовой рукой
Мой черный жребій будетъ вынуть,
Когда предсмертною тоской
Я буду навзничъ опрокинутъ, —

Припомню я не день войны,
Не праздникъ въ пламени и дымѣ,
Не ласки знойныя жены,
Увы, дѣлимая съ другими,

Тебя, твой миртовый вѣнецъ,
Глаза, безоблачнѣе неба,
И съ нѣжнымъ именемъ «отецъ»
Сойду въ обители Эреба.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Очарованъ соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мглѣ,
Не хочу я вернуться къ отчизнѣ,
Къ усыпляющей мертвой землѣ.

Пусть высоко на розовой влагѣ
Вечерѣющихъ горныхъ озеръ
Молодые и строгіе маги
Кипарисовый сложатъ костеръ.

И покорно, склоняясь, положить
На него мой закутанный трупъ,
Чтобъ смотрѣлъ я съ послѣдняго ложа
Съ затаенной усмѣшкою губъ.

И когда заревое чуть тронетъ
Темнымъ золотомъ мраморный молъ,
Пусть задумчивый факель уронить
Благовонье пылающихъ смолъ.

И свирѣль тишину опечалить,
И серебряный гонгъ зареветь,
Въ часъ, когда задрожитъ и отчалитъ
Огнѣющій траурный плотъ.

Словно демонъ въ лѣсу волхованій.
Снова вспыхнетъ мое бытіе,
Отъ мучительныхъ красныхъ лобзаній
Зашевелится тѣло мое.

И пока къ пустотѣ или раю
Необорный не броситъ меня,
Я еще одинъ разъ отпылаю
Упоительной жизнью огня.

ОЗЕРА.

Я счастье разбилъ съ торжествомъ святотатца
И нѣтъ ни тоски, ни укора,
Но каждую ночью такъ ясно мнѣ снятся
Большія, ночныя озера.

На траурно-черныхъ волнахъ ненюфары,
Какъ думы мои, молчаливы
И будятъ забытыя, грустныя чары
Серебряно-бѣлыя ивы.

Луна освѣщаетъ изгибы дороги
И видитъ пустынное поле,
Какъ я задыхаюсь въ тяжелой тревогѣ
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Какъ сумрачной драмѣ развязка,
Печальная дѣвушка, бѣлая птица,
Иль странная нѣжная сказка.

И новое солнце заблещетъ въ туманѣ,
И будутъ стрекозами тѣни,
И гордые лебеди древнихъ сказаній
На бѣлыя выйдутъ ступени.

Но мнѣ не припомнить. Я, слабый, безкрылый.
Смотрю на ночныя озера
И слышу, какъ волны лепечутъ безъ силы
Слова рокового укора.

Проснусь, и какъ прежде увѣренны губы,
Далеко и чуждо ночное,
И такъ по-земному прекрасны и грубы
Минуты труда и покоя.

СТАРЫЙ КОНВИСТАДОРЪ.

Углубясь въ невѣдомыя горы,
Заблудился старый конвистадоръ,
Въ дымномъ небѣ плавали кондоры,
Нависали снѣжныя громады.

Восемь дней скитался онъ безъ пищи,
Конь издохъ, но подъ большимъ уступомъ
Онъ нашелъ уютное жилище,
Чтобъ не разлучаться съ милымъ трупомъ.

Тамъ онъ жилъ въ тѣни сухихъ смоковницъ,
Пѣсни пѣлъ о солнечной Кастильи,
Вспоминалъ сраженья и любовницъ,
Видѣлъ то пищали, то мантильи.

Какъ всегда былъ дерзокъ и спокоенъ
И не зналъ ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложилъ ей воинъ
Поиграть въ изломанныя кости.

ПРАВЫЙ ПУТЬ.

Въ мукахъ и пыткахъ рождается слово,
Робкое, тихо проходить по жизни,
Странникъ, — оно , изъ ковша золотого
Пьющій остатки на варварской трizinъ.

Выйдешь къ природѣ! Природа враждебна,
Все въ ней пугаетъ, всего въ ней помногу,
Вѣчно звучитъ въ ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвѣсь осторожно и мудро исчисли,
— Жалко не будетъ ни жизни, ни свѣта,
Но пожалѣешь о царственной мысли.

Что-жъ, это путь величавый и строгій:
Плакать съ осеннимъ пронзительнымъ вѣтромъ,
Съ нищими нищимъ таиться въ берлогѣ,
Хмуря думы оковывать метромъ.

ОРЕЛЬ.

Орель летѣлъ все выше и впередъ
Къ Престолу Силь сквозь звѣздныя преддверья
И былъ прекрасенъ царственный полетъ,
И лоснились коричневая перья.

Гдѣ жилъ онъ прежде? Можетъ быть, въ плѣну,
Въ оковахъ королевскаго звѣринца,
Кричалъ, встрѣчая дѣвушку-весну,
Влюбленную въ задумчиваго принца.

Иль, можетъ быть, въ берлогѣ колдуна,
Когда глядѣлъ онъ въ узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце въ солнце.

Не все-ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И онъ летѣлъ три ночи и три дня
И умеръ, задохнувшись отъ блаженства.

Онъ умеръ, да! Но онъ не могъ упасть,
Войдя въ круги планетнаго движенья,
Бездонная внизу зіяла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами былъ пронизанъ небосводъ,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тлѣнья, онъ летѣлъ впередъ,
Смотрѣлъ на звѣзды мертвыми очами.

Не разъ въ бездонность рушились міры,
Не разъ труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолѣпная могила.

ВОРОТА РАЯ.

Не семью печатями алмазными
Въ Божій рай замкнулся вѣчный входъ,
Онъ не манитъ блескомъ и соблазнами
И его не вѣдаетъ народъ.'

Это дверь въ стѣнѣ давно заброшенной,
Камни, мохъ, и больше ничего,
Возлѣ нищій, словно гость непрощенный,
И ключи у пояса его.

Мимо ѣдутъ рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянетъ на привратника,
Свѣтлаго апостола Петра.

Всѣ мечтаютъ: «тамъ, у Гроба Божія
Двери рая вскроются для насъ
На горѣ Фаворѣ, у подножія
Прозвенитъ обѣтованный часъ».

Такъ проходитъ медленное чудище,
Завывая, трубить звонкій рогъ,
И апостолъ Петръ въ дырявомъ рубищѣ,
Словно нищій, блѣденъ и убогъ.

КОЛДУНЯ.

Она колдуетъ тихой ночью
У потемнѣвшаго окна
И страстно хочетъ, чтобъ воочью
Ей тайна сдѣлалась видна.

Какъ бредъ мольба ея безсвязна,
Но мысль, упорна и горда,
Она не вѣдаетъ соблазна
И не отступить никогда.

Внизу. тамъ дремлетъ городъ пестрый
И кто-то слушаетъ и ждетъ,
Но мечъ, увѣренный и острый,
Онъ тоже знаетъ свой чередъ.

На мертвой площади, гдѣ сѣро
И сонно падаетъ роса,
Живетъ неслыханная вѣра
Въ ея ночныя чудеса.

Но тщетенъ зовъ ея кручины,
Земля все та же, что была,
Вотъ солнце выйдетъ изъ пучины
И позолотитъ купола.

Ночныя тѣни станутъ рѣже,
Прольется гуль, какъ ропоть водъ,
И въ сонный городъ вѣтеръ свѣжій
Прохладу моря донесетъ.

И мечъ сверкнетъ, и кто-то вскрикнетъ,
Кого-то приметъ тишина,
Когда усталая поникнетъ
У заалѣвшаго окна.

ВЕЧЕРЪ.

Еще одинъ ненужный день,
Великолѣпный и ненужный!
Приди, ласкающая тѣнь,
И душу смутную одѣнь
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь
Зловѣщихъ птицъ — мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не въ силахъ превозмочь
Побѣдный шагъ твоихъ сандалій!

Отъ звѣздъ слетаетъ тишина,
Блеститъ луна — твое запястье,
И мнѣ во снѣ опять дана
Обѣтованная страна —
Давно оплаканное счастье.

---

* * *

Рощи пальмъ и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно голубое,
Небо, золотое отъ лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Развѣ счастье — сказка или ложь?
Для чего-жъ соблазнамъ инновѣрца
Ты себя покорно отдаешь?

Развѣ снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться въ огненномъ бреду,
Развѣ ты не властно жить, какъ травы
Въ этомъ упонительномъ саду?

---

* * *

У меня не живутъ цвѣты,
Красотой ихъ на мигъ я обмануть,
Постоять день, другой, и завянуть,
У меня не живутъ цвѣты.

Да и птицы здѣсь не живутъ,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А на утро — комочекъ изъ пуха...
Даже птицы здѣсь не живутъ.

Только книги въ восемь рядовъ,
Молчаливые, грузные томы
Сторожать вѣковая истома,
Словно зубы въ восемь рядовъ.

Мнѣ продавшій ихъ букинистъ,
Помню, былъ и горбатымъ и нищимъ..
...Торгозалъ за проклятымъ кладбищемъ
Мнѣ продавшій ихъ букинистъ.

ЭТО БЫЛО НЕ РАЗЪ.

Это было не разъ, это будетъ не разъ
Въ нашей битвѣ глухой и упорной:
Какъ всегда, отъ меня ты теперь отеклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующій другъ,
Врагъ мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будутъ стонами мукъ,
Поцѣлуи окрашены кровью.

СТАРИНА.

Вотъ паркъ съ пустынными опушками,
Гдѣ сонныхъ травъ печальна зыбь,
Гдѣ поздно вечеромъ съ лягушками
Перекликаться любить выпь.

Вотъ домъ, старинный и некрашенный,
Въ немъ словно плазаетъ туманъ,
Въ немъ залы гулкія украшены
Изображеніемъ пейзажъ.

Тревожный сонъ... Но сонъ о небѣ ли?
Нѣтъ! На высокомъ чердакѣ,
Какъ рядъ скелетовъ, груды мебели
Въ пыли почіють и тоскѣ.

Мнѣ суждено одну тоску нести,
Гдѣ дѣдъ раскладывалъ пасьянсъ
И гдѣ влюблялись тетки въ юности
И танцевали контредансъ.

И сердце мучится бездомное,
Что имъ владѣть лишь одна,
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

...Теперь бы кручи необорныя,
Снѣга серебряныхъ вершинъ,
Да тучи сизыя и черныя
Надъ гулкимъ грохотомъ лавинъ!

-----

* * *

Онъ поклялся въ строгомъ храмѣ
Передъ статуей Маданны,
Что онъ будетъ вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забылъ о тайномъ бракѣ,
Всюду ласки расточая,
Ночью былъ зарѣзанъ въ дракѣ
И пришелъ къ преддверьямъ рая.

— «Ты-ль въ моемъ не клялся храмѣ,»
Прозвучала рѣчь Мадонны:
«Что ты будешь вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны?»

«Отойди, не эти жатвы
Собираетъ Царь Всевышній,
Кто нарушилъ слово клятвы,
Въ Царствѣ Божіемъ тотъ лишній.»

Но, печальный и упрямый,
Онъ припалъ къ ногамъ Мадонны:
— «Я нигдѣ не встрѣтилъ дамы,
Той, чьи взоры непреклонны.»

БЕАТРИЧЕ.

1.

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу въ пѣсняхъ излейте,
Спойте мнѣ пѣсню о Дантѣ
Или сыграйте на флейтѣ.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нѣтъ въ вашемъ кличѣ,
Знаете-ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче.

Странная бѣлая роза
Въ тихой вечерней прохладѣ
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощадѣ?

Жилъ безпокойный художникъ,
Въ мірѣ лукавыхъ обличій
Грѣшникъ, развратникъ, безбожникъ,
Но онъ любилъ Беатриче.

Тайныя думы поэта
Въ сердцѣ его прихотливомъ
Стали потоками свѣта,
Стали шумящимъ приливомъ.

Музы, въ сонетѣ — брильянтѣ
Странную тайну отмѣтите,
Спойте мнѣ пѣсню о Дантѣ
И Габріелѣ Россетти.

4.

Я не буду тебя проклинать,
Я печалень печалью разлуки,
Но хочу и теперь цѣловать
Я твои уводящія руки.

Все сзержилось, о чемъ я мечталъ
Еще мальчигомъ странно-влюбленнымъ,
Я узидѣлъ блестящій кинжалъ
Въ этихъ милыхъ рукахъ обнаженнымъ.

Ты подаришь мнѣ смертную дрожь,
А не блѣдную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
Къ островамъ совершеннаго счастья.

МОЛИТВА.

Солнце свирѣпое, солнце грозящее,
Бога, въ пространствахъ идущаго,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущаго,
Но помилуй прошедшее!

КАПИТАНЫ.

1.

На полярныхъ моряхъ и на южныхъ,
По изгибамъ зеленыхъ зыбей,
Межъ базальтовыхъ скалъ и жемчужныхъ
Шелестятъ паруса кораблей.

Быстрокрылыхъ ведутъ капитаны,
Открыватели новыхъ земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто извѣдалъ мальстреми и мель;

Чья, не пылью затерянныхъ хартій, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной картѣ
Отмѣчаетъ свой дерзостный путь,

И, взойдя на трепещущій мостикъ,
Вспоминаетъ покинутый портъ,
Отряхая ударами трости
Ключья пѣны съ высохихъ ботфортъ,

Или, бунтъ на борту обнаруживъ,
Изъ-за пояса рветъ пистолетъ,
Такъ что сыпется золото съ кружевъ,
Съ розозатыхъ брабантскихъ манжетъ.

Пусть безумствуетъ море и хлещетъ,
Гребни волнъ поднялись въ небеса, —
Ни одинъ предъ грозой не трепещетъ,
Ни одинъ не свернетъ паруса.

Развѣ трусамъ даны эти руки,
Этотъ острый увѣренный взглядъ,
Что умѣть на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегатъ,

Мѣткой пулей, острой желѣзной
Настигать исполинскихъ киговъ,
И примѣтить въ ночи многозвѣздной
Охранительный свѣтъ мякозъ?

2.

Вы всѣ, палладины Зеленаго Храма,
Надъ пасмурнымъ моремъ слѣдившіе румбъ,
Гоональдо и Кукъ, Лаперузъ и де-Гама,
Мечтатель и царь, генуезецъ Колумбъ!

Ганнонъ Карфагенянинъ, князь Сенегамбій,
Синдбадъ-Мореходъ и могучій Уллисъ,
О вашихъ побѣдахъ гремятъ въ диэирамбѣ,
Сѣдые валы, набѣгая на мысъ!

А вы, королевскіе псы, флибустьеры,
Хранившіе золото въ темномъ порту,
Скитальцы арабы, искатели вѣры,
И первые люди на первомъ плоту!

И всѣ, кто дерзаетъ, кто хочетъ, кто ищетъ,
~~Кому опостыляли страны отцовъ,~~
Кто дерзко хохочетъ, насмѣшливо свищетъ,
Внимая завѣтамъ сѣдыхъ мудрецовъ!

Какъ странно, какъ сладко входитъ въ ваши
грезы,
Завѣтныя ваши шептать имена,
И вдругъ догадаться, какіе наркозы
Когда-то рождала для васъ глубина!

И кажется, въ мірѣ, какъ прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Гдѣ въ солнечныхъ рощахъ живутъ великаны
И свѣтятъ въ прозрачной водѣ жемчуга.

Съ деревьевъ стекаютъ душистыя смолы,
Узорныя листья лепечутъ: «Скорѣй,
Здѣсь рѣютъ червоннаго золота пчелы,
Здѣсь розы краснѣе, чѣмъ пурпуръ царей»!

И карлики съ птицами спорятъ за гнѣзда,
И нѣженъ у дѣвушекъ профиль лица...
Какъ будто не всѣ пересчитаны звѣзды,
Какъ будто нашъ міръ не открытъ до конца!

3.

Только глянетъ сквозь утесы
Королевскій старый фортъ,
Какъ веселые матросы
Поспѣшатъ въ знакомый портъ.

Тамъ, хвативъ въ тавернѣ сидру,
Рѣчь ведетъ болтливый дѣдъ,
Что сразить морскую гидру
Можетъ черный арбалетъ.

Темнокожія мулатки
И гадаютъ и поютъ,
И несетя запахъ сладкій
Отъ готовящихся блюдъ.

А въ заплеванныхъ тавернахъ
Отъ заката до утра
Мечутъ рядъ колодъ невѣрныхъ
Загитые шуллера.

Хорошо по докамъ порта
И слоняться, и лежать,
И съ солдатами изъ форта
Ночью драки затѣвать.

Иль у знатныхъ иностранокъ
Дерзко выклянчить два су,
Продавать имъ обезьянокъ
Съ мѣднымъ обручемъ въ носу.

А потомъ блѣднѣть отъ злости,
Амулетъ зажать въ полу,
Все проигрывая въ кости.
На затоптанномъ полу.

Но смолкаетъ зовъ дурмана,
Пьяныхъ словъ безсвязный летъ.
Только рупоръ капитана
Ихъ къ отплытью призоветъ.

4.

Но въ мірѣ есть иныя области.
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Они навѣкъ недостижимы.

Тамъ волны съ блесками и всплесками
Непрекращаемаго танца,
И тамъ летитъ скачками рѣзкими
Корабль Летучаго Голландца.

Ни рифъ, ни мель ему не встрѣтятся,
Но, знакъ печали и несчастій,
Огни святого Эльма свѣтятся,
Усѣявъ бортъ его и снасти.

Самъ капитанъ, скользя надъ бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но желѣзною
Въ штурвалъ вцѣпляется — другою.

Какъ смерть, блѣдны его товарищи,
У всѣхъ одна и та же дума,
Такъ смотрять трупы на пожарищѣ
Невыразимо и угрюмо.

И если въ часъ прозрачный, утренній
Плавцы въ моряхъ его встрѣчали,
Ихъ вѣчно мучилъ голосъ внутренній
Слѣпымъ предвѣстіемъ печали.

Ватагъ буйной и воинственной
Такъ много сложено исторій,
Но всѣхъ страшнѣй и всѣхъ таинственнѣй
Для смѣлыхъ пѣнителей моря, —

О томъ, что гдѣ-то есть окраина —
Туда, за тропикъ Козерога! —
Гдѣ капитана съ ликомъ Каина
Легла ужасная дорога.

ЖЕМЧУГЪ РОЗОВЫЙ

— Что твой знакъ? — Прозръные глаза
Дальность слуха, окрыленіе ногъ;“

Вячеславъ Ивановъ.

РЫЦАРЬ СЪ ЦѢПЬЮ.

Слышу гулъ и завыванье призывающихъ роговъ
И я снова конквистадоръ, покоритель городовъ.

Словно рабъ я былъ закованъ, жилъ
униженный въ плѣну,
И забылъ, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая надъ рубинами цвѣтовъ,
И, ревнивая, разбила сталь мучительныхъ
оковъ.

Я опять иду по скаламъ, пью студенныя струи,
Подъ дыханьемъ океана раны зажили мой.

Но, вступая, обновленный, въ неизвѣстную
страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И чтобъ помнить каждый подвигъ и
возвышенность, и степь,
Я къ серебряному шлему прикую стальную цѣпь.

ЗАВОДИ.

Н. В. Анненской.

Солнце скрылось на западѣ
За полями обѣтованными
И стали тихія заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнулъ камышъ,
Пролетѣла летучая мышь,
Рыба плеснулась въ омутъ...
...И направились къ дому тѣ,
У кого есть домъ
Съ голубыми ставнями,
Съ креслами давними,
И круглымъ чайнымъ столомъ.

Я одинъ остался на воздухѣ
Смотрѣлъ на сонную заводь,
Гдѣ днемъ такъ отрадно плавать,
А вечеромъ плакать,
Потому что я люблю тебя, Господи.

. —————

АНДРОГИНЪ.

Тебѣ никогда не устанемъ молиться,
Немыслимо-дивное Богъ-Существо,
Мы знаемъ, Ты здѣсь, Ты готовъ проявиться,
Мы вѣримъ, мы вѣримъ въ Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты въ жертву приносишь себя самое,
Ты тѣло даешь для Великаго Бога,
Изысканно-нѣжное тѣло свое.

Спѣши же, подруга! Какъ духи нагими
Должны мы исполнить старинный обѣтъ,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнувъ, услышать желанный отвѣтъ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что-же?!
Пусть двое погибнуть, чтобъ ожилъ одинъ,
Чтобъ странный и свѣтлый съ безумнаго ложа,
Какъ фениксъ изъ пламени, всталъ Андрогинъ.

И воздухъ какъ роза, и мы какъ видѣнья,
То близокъ къ отчизнѣ своей пилигримъ...
И вѣрь! Не коснется до насъ наслажденье
Бичемъ оскорбительно-жгучимъ своимъ.

КЕНГУРУ.

Утро дѣвушки.

Сонъ меня сегодня не разнѣжилъ,
Я проснулась рано по утру
И пошла, вдыхая воздухъ свѣжій,
Посмотрѣть ручного кенгуру.

Онъ срывалъ пучки смолистыхъ иголъ,
Глупый, для чего-то ихъ жевалъ
И смѣшно, смѣшно ко мнѣ запрыгалъ
И еще смѣшнѣе закричалъ.

У него такъ неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтобъ его коричневые глазки
Мигомъ освѣтило торжество.

А потомъ, охвачена истомой,
Я мечтать усѣлась на скамью:
Что-жъ нейдетъ онъ, дальній, незнакомый,
Тотъ одинъ, котораго люблю!

Мысли такъ отчетливо ложатся,
Словно тѣни листьевъ по утру,
Я хочу къ кому-нибудь ласкаться,
Какъ ко мнѣ ласкался кенгуру.

Ты помнишь, у облачных впадинъ
Въ бассейнѣ серебряныхъ рыбъ,
Аллеи высокихъ платановъ
И башни изъ каменныхъ глыбъ.

Какъ конь золотистый у башенъ,
Играя, вставалъ на дыбы
И блѣдый чапракъ былъ украшенъ
Узорами тонкой рѣзбы.

Ты помнишь, у облачныхъ впадинъ
Съ тобою нашли мы карнизъ,
Гдѣ звѣзды, какъ горсть виноградинъ,
Стремительно падали внизъ.

Теперь, о скажи, не блѣднѣя,
Теперь мы съ тобою не тѣ,
Быть можетъ, сильнѣй и смѣлѣе,
Но только чужіе мечтѣ.

У насъ какъ точенныя руки,
Красивы у насъ имена,
Но мертвой томительной скукѣ
Душа навсегда отдана.

И мы до сихъ поръ не забыли,
Хоть намъ и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умѣли летать.

МАЭСТРО.

Н. Л. Сверчкову.

Въ красномъ фракѣ съ галунами,
Надушенный всталъ Маэстро,
Онъ разсыпалъ передъ нами
Звуки легкіе оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Какъ видѣнья, какъ гиганты,
И метались въ гулкой залѣ,
И роняли брилліанты.

Къ золотымъ сбѣгали рыбкамъ,
Что плескались тамъ въ бассейнѣ,
И по дѣвичьимъ улыбкамъ
Плыли тише и лилейнѣй.

Созидали башни храмамъ
Голубѣющаго рая
И ласкали плечи дамамъ,
Улыбаясь и играя.

А потомъ съ веселой дрожью,
Закрутившись вкругъ оркестра,
Тихо падали къ подножью
Надушеннаго маэстро.

ХРИСТОСЪ.

Онъ идетъ путемъ жемчужнымъ
По садамъ береговымъ,
Люди заняты ненужнымъ,
Люди заняты земнымъ.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Васъ зову я навсегда,
Чтобъ блюсти иную паству
И иные невода».

«Лучше - ль рыбы или овцы
Человѣческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши.»

«Вѣдь не домикъ въ Галилеѣ
Вамъ награда за труды, —
Свѣтлый рай, что розовѣ
Самой розовой звѣзды».

«Солнце близится къ притину,
Слышно вѣянье конца,
Но отрадно будетъ Сыну
Въ Домѣ Нѣжнаго Отца».

Не томить, не мучить выборъ,
Что плѣнительнѣй чудесь?!
И идутъ пастухъ и рыбарь
За искателемъ небесъ.

СКАЗОЧНОЕ.

Ярче золота вспыхнули дни
И бѣжала медвѣдица-ночь,
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и къ сѣдлу приторочь.

Черезъ лѣсъ, черезъ ровъ, черезъ гать
Устремилась она къ колдуну,
Чтобъ съ недобрымъ гадать, волховать
И губить молодую весну.

Догони ее, князь догони,
Не жалѣй дорогого коня,
Посмотри, усмѣхаются пни,
Въ темныхъ дуплахъ мерцанье огня.

Зааркань и къ сѣдлу приторочь,
А потомъ въ голубомъ терему
Укажи на медвѣдицу-ночь
Богатырскому псу своему.

Мертвой хваткой вцѣпляется песь,
Онъ отваженъ, силенъ и хитеръ,
Онъ звѣриную злобу донесъ
Къ колдунамъ съ незапамятныхъ поръ.

Великая Радость, смѣясь,
На узорное ступить крыльцо,
Тихо молвить: «люблю тебя, князь,
Для тебя я открыла лицо».

ОХОТА.

Князь вынулъ бичъ и кинулъ кличъ,
Грозу охогничьихъ добычъ,
И бѣлый конь, душа погонь,
Ворвался въ стынущую сонь.
Ударъ копытъ въ снѣгу шуршитъ
И звѣрь вскачетъ, и звѣрь бѣжитъ,
Но не спастись ни въ глубь, ни въ высь,
Какъ змѣи, стрѣлы понеслись.
Ихъ легкой взмахъ наводитъ страхъ
На неуклюжихъ росомахъ,
Грызеть ихъ мѣдъ сѣдой медвѣдь
Но все же долженъ умереть,
И легче птицъ, склоняясь ницъ,
Князь ищетъ четкій слѣдъ лисицъ.
Но вечеръ алъ, и князь усталъ,
Прилегъ на мохъ и задремалъ,
Не дремлетъ конь, его не тронь,
Огонь въ глазахъ его, огонь.
И, волкъ равнинъ, подходитъ финнъ,
Туда, гдѣ дремлетъ властелинъ,
А ночь свѣтла, земля бѣла,
Господь, спаси его отъ зла!

---

* * *

Мнѣ снилось: мы умерли оба,
Летимъ съ упокоеннымъ взглядомъ,
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

Когда мы сказали «довольно»?
Давно ли и что это значитъ?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачетъ.

Безсильныя чувства такъ странны,
Застывшія мысли такъ ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вѣчно прекрасны.

Свершилось! Мы умерли оба,
Летимъ съ упокоеннымъ взглядомъ,
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

ПОКОРНОСТЬ.

Только усталый достоинъ молиться богамъ,
Только влюбленный — ступать по весеннимъ
лугамъ!

На небѣ звѣзды, и тихая грусть на землѣ,
Тихое «пусть» прозвучало и таетъ во мглѣ.

Это покорность! Приди и склонись надо мной,
Блѣдная дѣва подъ траурно-черной фатой!

Край мой печаленъ, затерянъ въ болот. ой г уги.
Нѣту прекраснѣе края для скорбной души.

Вонъ порыжевшія почки и мокрый оврагъ,
Я для него отрекаюсь отъ призрачныхъ благъ.

Что я: влюбленъ или просто смертельно усталъ,
Такъ хорошо, что мой взоръ, наконецъ,
отблисталъ!

Тихо смотрю, какъ степная колышется зыбь,
Тихо внимаю, какъ плачетъ болотная выпь.

УХОДЯЩЕЙ.

Не мѣдной музыкой фанфаръ,
Не грохотомъ роговъ
Я мой привѣтствовалъ пожаръ
И сонъ твоихъ шаговъ.

— Сковала блѣдная уста
Святая Тишина
И въ небѣ знаменемъ Христа
Сіяла намъ луна.

И рокотали соловьи
О Розѣ Горныхъ странъ,
Когда глаза мои, твои,
Заворожилъ туманъ.

И вотъ теперь, когда съ тобой
Я здѣсь послѣдній разъ,
Слезы ни флейта, ни гобой,
Не вызовутъ изъ глазъ.

Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мнѣ все тѣ жъ твердить слова
Святая Тишина.

Соединяющій тѣла
Ихъ разлучаетъ вновь,
Но будетъ жизнь моя свѣтла,
Пока жива любовь.

СВИДАНЬЕ.

Сегодня ты придешь ко мнѣ,
Сегодня я пойму,
Зачѣмъ такъ странно при лунѣ
Остаться одному.

Ты остановишься, блѣдна,
И тихо сбросишь плащъ,
Не такъ ли полная луна
Встаетъ изъ темныхъ чащъ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастливъ тишиной,
И мракомъ, и судьбой.

Такъ звѣрь безрадостныхъ лѣсохъ,
Почуявшій весну,
Внимаетъ шороху часовъ
И смотреть на луну,

И тихо крадется въ оврагъ
Будить ночные сны,
И согласуетъ легкій шагъ
Съ движеніемъ луны.

Какъ онъ и я хочу молчать,
Смотрѣть и изнемочь,
Храня торжественно печать,
Твою печать, о Ночь!

И будетъ много свѣтлыхъ лунъ
Во мнѣ и вокругъ меня,
И блѣдный берегъ древнихъ дюпъ
Откроется, маня.

И донесетъ изъ темноты
Зеленый океанъ
Кораллы, жемчугъ и цвѣты,
Дары далекихъ странъ.

И вздохи тысячи существъ,
Исчезнувшихъ давно,
И темный сонъ нѣмыхъ веществъ,
И звѣздное вино.

...Уйдешь, и буду я внимать,
Послѣдней пѣснѣ лунъ,
Смотрѣть, какъ день встаетъ опять
Надъ гладью блѣдныхъ дюпъ.

МАРКИЗЪ де КАРАБАСЪ.

С. Ауслендеру.

Весенній лѣсъ пѣвучъ и свѣтелъ,
Черны и радостны поля,
Сегодня я впервые встрѣтилъ
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую глыбу,
На отблескъ розовыхъ зарницъ,
А умный котъ мой ловить рыбу
И въ сѣть заманиваетъ птицъ.

Онъ знаетъ слѣдъ хорька и зайца,
Лазейки сквозь камышъ къ рѣкѣ,
И такъ вкусны сорочьи яйца,
Имъ испеченныя въ пескѣ.

Когда же роща тьму призоветъ,
Туманъ уронитъ капли росъ
И задремлю я, онъ мурлычетъ,
Уткнувъ мнѣ въ руку влажный носъ.

— «Мнѣ сладко вамъ служить; за васъ
Я смѣло міру брошу вызовъ,
Вѣдь вы маркизъ де Карабасъ,
Потомокъ самыхъ древнихъ расъ,
Средь всѣхъ отличный маркизовъ».

«И дичь въ лѣсу, и сосны горь,
Богатыхъ золотомъ и мѣдью,
И нивъ желтѣющихъ просторъ,
И рыба въ глубинѣ озеръ
Принадлежать вамъ по наслѣдью».

«Зачѣмъ же спите вы въ норѣ,
Всегда причудливый ребенокъ
Зачѣмъ не жить вамъ при дворѣ,
Не ѣсть и пить на серебрѣ
Средь попугаевъ и болонокъ?!»

Мой добрый котъ, мой котъ ученый
Печальный подавляетъ вздохъ
И лапкой бѣлой и точенной,
Сердась, вычесываетъ блохъ.

На утро снова я подъ ивой
(Въ ея корняхъ такой уютъ)
Рукой разсѣяннo-лѣнливой
Бросаю камни въ дымный прудъ.

Какъ тяжелы они, какъ мѣтки,
Какъ по водѣ они скользятъ!
...И въ каждой травкѣ, въ каждой вѣткѣ
Я мой встрѣчаю маркизатъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КИТАЙ.

С. Судейкину.

Воздухъ надъ нами чистъ и звонокъ,
Въ житницу волъ отвезъ зерно,
Отданный повару палъ ягненокъ,
Въ мѣдныхъ ковшахъ играетъ вино.

Что же тоска намъ сердце гложетъ,
Что мы пытаемъ бытіе?
Лучшая дѣвушка дать не можетъ
Больше того, что есть у нея.

Всѣ мы знавали злое горе,
Бросали всѣ завѣтный рай,
Всѣ мы, товарищи, вѣримъ въ море,
Можемъ отплыть въ далекій Китай.

Только не думать! Будетъ счастье
Въ самомъ крикливомъ какаду,
Душу исполнить намъ жгучей страстью
Смуглый ребенокъ въ чайномъ саду.

Въ розовой пѣнѣ встрѣтимъ даль мы,
Насъ испугаетъ мѣдный левъ;
Что намъ пригрезится въ ночь у пальмы?
Какъ опьянять насъ соки деревь?

Праздникомъ будутъ тѣ недѣли,
Что проведемъ на кораблѣ...
Ты ли не опытенъ въ пьяномъ дѣлѣ,
Вѣчно румяный, мэтръ Раблэ?

Грузный, какъ бочки винъ токайскихъ,
Мудрость свою прикрой плащемъ,
Ты будешь пугаломъ дѣвъ китайскихъ,
Бедра обвивъ зеленымъ плющемъ.

Будь капитаномъ! Просимъ! Просимъ!
Вмѣсто весла вручаемъ жердь...
Только въ Китаѣ мы якорь бросимъ,
Хоть на пути и встрѣтимъ смерть!

СЪВЕРНЫЙ РАДЖА.

Валентину Кривичу.

1.

Она простёрлась, не живая,
Когда замышленъ былъ набѣгъ,
Ее сковали грусть безъ края
И синій ледъ и бѣлый снѣгъ.

Но и задумчивыя ели
Въ цвѣтахъ серебряной луны,
Всегда тревожныя, хотѣли
Святой по-новому весны.

И надъ страной лѣсовъ и гатей
Сверкнула золотомъ заря,
То шли безчисленныя рати
Непобѣдимаго царя.

Онъ жилъ на сказочныхъ озерахъ,
Дитя брилльянтовыхъ раджей,
И радость свѣтлая во взорахъ,
И губы лотуса свѣжѣй.

Но, сына царскаго, на сѣверъ
Его таинственно влечетъ,
Онъ хочетъ въ полѣ видѣть клеверъ,
Въ сосновыхъ рощахъ желтый медъ.

Гудитъ земля, оружье блещетъ,
Трубятъ военные слоны
И сынъ полуночи трепещетъ
Предъ сыномъ солнечной страны.

Се—царь! Придите и поймите
Его спасающую сѣть,
Въ кипучій вихрь его событий
Спѣшите кануть и сгорѣть.

Легко сгорѣть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтобъ встрѣтить въ пламени и дымѣ
Владыку сѣвера, Раджу.

2.

Онъ всталъ на крайнемъ берегу,
И было хмуро побережье,
Едва чернѣли на снѣгу
Слѣды глубокіе, медвѣжьи.

Да въ отдаленной полыньѣ
Плескались рыжіе тюлени,
Да небо въ розовомъ огнѣ
Бросало ровный свѣтъ безъ тѣни.

Онъ обернулся... тамъ, во мглѣ
Дрожали зябнущіе парсы
И, безсилѣвъ, на землѣ
Валялись царственные барсы,

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, какъ гиганты,
И лился мягкій свѣтъ луны
На ихъ уборы, ихъ брилльянты.

Но людямъ, павшимъ передъ нимъ,
Царь кинулъ гордое рѣшеніе:
«Мы въ царствѣ снѣга создадимъ
Иную Индію... Видѣнье».

«На этотъ звонкій синій ледъ
Утесы мрамора не лягутъ
И лотусъ здѣсь не зацвѣтетъ
Подъ вѣковою сѣнью пагодъ».

«Но будетъ бѣлая заря
Пылатъ слѣпительнѣе вдвое,
Чѣмъ у бирманскаго царя
Костры изъ мирры и алоэ.

«Не бойтесь этой наготы
И пѣсенъ холода и вьюги,
Вы обрѣтете здѣсь цвѣты,
Какихъ не знали бы на югѣ».

3.

И древле мертвая страна
Съ ея нетронутою новью,
Какъ дѣва юная, пьяна
Своей великою любовью.

Изъ дивной Галліи вотще
Къ ней приходили кавалеры,
Красуясь въ бархатномъ плащѣ,
Манили къ тайнамъ чуждой вѣры.

И Византіи строгой рѣчь,
Ея задумчивыя книги
Не заковали этихъ плечъ
Въ свои тяжелыя вериги.

Здѣсь каждый мигъ была весна
И въ каждомъ взорѣ жило солнце,
Когда смотрѣла тишина
Сквозь закоптѣлое оконце.

И каждый мыслилъ: «я въ бреду,
Я сплю, но радости все тѣ же,
Вотъ встану въ розовомъ саду
Надъ бѣлымъ мраморомъ прибрежій».

«И та, которую люблю,
Придетъ застѣнчиво и томно,
Она близка... теперь я сплю
И хорошо у грезы темной».

Живетъ законъ священной лжи
Въ картинѣ, статуѣ, поэмѣ —
Мечта великаго Раджи,
Благословляемая всѣми.

№ 18-19. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Ѳедоръ
Іоанновичъ.

№ 20. Тэффи. Стамбуль и солнце.

№ 21. А. П. Чеховъ. Мелкія пьесы.

№ 22. В. Г. Короленко. Разказы.

№ 23. Юрій Слезкинъ. Чемоданъ.

№ 24-25. Л. Н. Толстой. Крейцерава соната.

№ 26. И. Ѳ. Горбуновъ. Разказы.

№ 27. А. Н. Апухтинъ. Лирика.

№ 28. А. П. Чеховъ. Юморист. разказы.

№ 29-30. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Борисъ.

№ 31-32. Ѳ. Достоевскій. Бѣлыя ночи. —
Ползунковъ. — Честный воръ. — Елка и свадьба.

№ 33. Л. Толстой. Дьяволь.

№ 34. А. П. Чеховъ. Дѣтвора.

№ 35. А. И. Герценъ. Долгъ прежде всего.
(Повѣсть).

№ 36. Бернгардъ Келлерманъ. Святые.

№ 37. Н. В. Гоголь. Игроки. — Утро дѣло-
вого человѣка. — Лакейская.

№ 38. С. Я. Надсонъ. Стихи.

№ 39. А. П. Чеховъ. Бытовые разказы.

№ 40. А. С. Пушкинъ. Сказки.

№ 41. А. М. Дроздовъ. Чертополохъ.

№ 42. А. Н. Майновъ. Стихи.

№ 43. Н. А. Некрасовъ. Русскія женщины.

№ 44-45. Л. Толстой. Власть тьмы.

№ 46. А. И. Герценъ. Русскій народъ и
соціализмъ.

№ 47. Н. С. Лѣсковъ. Леди Макбетъ Мцен-
скаго уѣзда.

№ 48. Л. Толстой. Отецъ Сергій.

№ 49. Гр. Ал. К. Толстой. Лирика.

№ 50-51. Антологія современной поэзіи.
(Анненскій, Ахматова, Волошинъ, Гумилевъ и др.)

№ 52. Н. С. Лѣсковъ. Лѣвша. — Пустоплясы.

- № 53. Л. Толстой. Живой трупъ.
 № 54. М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы.
 № 55. Вл. Крымовъ. Станные рассказы.
 № 56. М. Ю. Лермонтовъ. Лирика.
 № 57-58. Поэзія революціонной Москвы.
 Подъ ред. И. Эренбурга.
 № 59. Владимиръ Соловьевъ. Еврейство
 и христіанскій вопросъ.
 № 60. Илья Эренбургъ. Кануны. (Стихи
 1915-1921 г.)
 № 61. И. И. Мясницкій. Смѣха ради.
 № 62. С. Л. Поляковъ. Лабиринтъ.
 № 63. Эдгаръ Поэ. Золотой жукъ.
 № 64. В. Иваковъ. Узоръ старинный.
 № 65. И. Василевскій (Не Буква). Лите-
 ратурные силуэты.
 № 66-67. Н. Гумилевъ. Жемчуга.
 № 68. Н. Гумилевъ. Дитя Аллаха.
 № 69. Гр. Ал. Нин. Толстой. День Петра.
 № 70. Гр. Ал. Н. Толстой. Прекрасная дама.
 № 71-72. Антологія современной нѣмец-
 кой поэзіи.
 № 73. Алексѣй Ремизовъ. Пѣтушокъ.
 № 74-75-76. Ф. Достоевскій. Записки изъ
 подполья.
 № 77. Гр. А. Н. Толстой. Баллады.
 № 78. А. Гольденвейзеръ. Якобинцы и
 большевики (психологическія параллели).

Цѣна выпуска 4 марки.

(двойные — 8 марокъ).

Для странъ, имѣющихъ высшую, противъ германской
 валюту, надбавка въ 100%.

ЦѢНА 8 МАРКИ.